

Совнархозы обретают лицо

Совнархозы показали себя хорошо. Этого никто не мог отрицать. С первого года общая экономическая активность в стране возросла. Местные руководители наводили порядок в ставшем теперь их, не «дядином», хозяйстве. Сотни автомобилей, простаивавших в десятках ведомственных гаражей, объединялись в общие для всех современные транспортные предприятия. Расходы на перевозку, тонно-километры, резко пошли вниз. Организовывались общие литейные, штамповочные и другие предприятия – одно-два на совхоз, но большие, механизированные и автоматизированные. Качество продукции повышалось, а себестоимость изделий падала.

Гравий, глина, песок и другое общепотребительное сырье «неожиданно» обнаружилось в изобилии под боком. За ним больше не приходилось «гонять» самосвалы за тридевять земель. Предприятия все больше кооперировались. И так во всем.

Как во всяком новом деле, не обошлось и без накладок. Происходила притирка региональных и центральных структур, а это процесс не простой, другими словами, государственный оркестр настраивался на игру по новой партитуре. Основной проблемой стала тенденция регионализации, совхозы начали городить свои заборы, теперь не ведомственные, а территориальные. Этим особенно отличались мелкие совнархозы. Даже оказавшиеся на их территории общесоюзные исследовательские институты совнархозное начальство старалось пристегнуть к местным нуждам, одновременно отделяясь от тематики общесоюзного значения. Опасность таких тенденций обсуждалась еще до принятия закона, о ней говорили и сторонники совнархозолизации, и ее противники, в частности Первухин и Байбаков.

С наукой разобрались без труда, к концу 1957 года ее вернули под крыло центра, подчинили отраслевым Госкомитетам. Не всю конечно, а исследовательские центры общесоюзного значения. Совнархозы тоже не обидели, в их распоряжении оставались многочисленные лаборатории на предприятиях и в высших учебных заведениях, опытные станции и даже собственные научно-исследовательские институты.

Проблема регионализации, желание совнархоза обособиться, заниматься исключительно собственными делами и в собственных интересах, без оглядки на соседа – та же «министерская» болезнь, но в территориальном преломлении оказалась орешком покрепче. Причина тому – половинчатость принятого решения. В мире апробированы две относительно устойчивые структуры. Децентрализованная – когда предприятие предоставлено само себе и самостоятельно ведет все дела в своих интересах, а директор решает, чего и сколько производить, кому повыгоднее продать и как поступить с прибылью, оставшейся после уплаты налогов. Если взаимоотношения сбалансированы, то и государству удастся наполнить бюджет, и экономика развивается устойчиво. В централизованной системе все решается наверху – в Госплане, министерствах, Совете Министров, а директору предоставляется лишь одно право – брать под козырек. Здесь взаимоотношения государства с производителем запутываются в паутине бюрократии, становится невозможным понять, на какие сигналы и как реагирует директор, для которого, естественно, приоритетны собственные заводские интересы. В результате рост экономики замедляется, эффективность падает.

Учреждая совнархозы, Хрущев стремился побороть именно это зло, однако, начав реорганизацию экономики, отец не решился дать вольную предприятиям, он сделал первый шаг, даже полшага. В совнархозной регионализации в миниатюре воспроизводилась все та же централизованная система управления народным хозяйством, только чуть более эффективная, чем общегосударственная. Одному человеку, стоявшему во главе совнархоза, еще под силу управиться с регионом, пока он, естественно, невелик. При всех достоинствах совнархозы по своей природе – система неустойчивая, они всего лишь переходная стадия. С совнархозного полустанка можно двинуться к более глубокой децентрализации, которая в дальнейшем раскрепостит предприятия, установив между ними рыночные отношения. Или сдать назад, вводить якобы защищающие общегосударственные интересы, новые бюрократические структуры, восстанавливая тем самым, в новом обличье, старую пирамиду экономического самовластья, ту самую вертикаль управления, на которую посягнул отец.

Решиться на полное высвобождение предприятий отец в 1957 году не мог, даже не из-за легко предсказуемого сопротивления хозяйственников и идеологов. Ведь тогда пришлось бы оперировать таким понятием, как прибыль предприятия, иначе не разделить затраты и доходы, не вычислить положенную государству долю. Само это слово «прибыль» в те годы звучало исключительно негативно, отдавало откровенной реставрацией капитализма. Такое отцу и в голову не приходило, и не только ему. Страна развивалась темпами, во много раз превосходящими американские. Экономисты не сомневались, что через пару-тройку десятилетий мы обойдем США по всем показателям – и по производству валового продукта, и по уровню жизни. ЦРУ в своих совершенно секретных статистических обзорах предупреждало Белый дом: если ничего не предпринять, то к концу XX столетия валовой продукт в СССР втрое превзойдет американский.

Отец не собирался возвращаться в прошлое, на пути в будущее искал наиболее эффективную форму приложения людского потенциала, энергии, таланта. Дальше совнархозов он пока шагнуть не решился, просто не додумался. Додумается еще, как мы увидим.

Пока же с регионализацией боролись подручными средствами: мелкие совнархозы укрупняли, объединяли в суперсовнархозы, учреждали различные, вплоть до всесоюзных, надсовнархозные координирующие структуры. К такому способу развязывания региональных неувязок тяготели и соратники, и противники нововведений. Они просто не умели действовать по-иному. Исходя из исторической логики, рецидив болезни централизованной экономики неизбежен и для обретения окончательного иммунитета даже необходим. Только убедившись, что совнархозная централизация ничем не лучше отраслевой, убедившись в тупиковости этого пути, отец задумается о следующем этапе реформирования. Совнархозы породили еще одну, поначалу неприметную, тенденцию. В регионах параллельно партийной

зарождалась новая власть – экономическая. По положению секретари обкомов не входили в руководство совнархозов. В крупных областях и республиках, где имелся только один совнархоз, они по иерархической лестнице стояли на пару ступенек выше его председателя. Если же совнархоз накрывал своими структурами несколько областей, то секретари мелких обкомов не могли ни надзирать за ним, ни заседать в его структурах. В этом смысле председатели совнархозов в качестве альтернативы секретарям обкомов пусть и полуинтуитивный, но все-таки шаг к разделению властей и, в конечной степени, к демократии.

Председатели совнархозов постепенно прибирали к своим рукам реальную власть, становились не мнимой, как советы, а действенной альтернативой обкомам. Другими словами, власть из общеруководящей становилась профессиональной. До серьезных конфликтов пока не доходило. И обкомы, и совнархозы ходили под единым московским ЦК. Но это пока.

Сейчас осталось не так много живых свидетельств из того времени. В брежневские годы о совнархозах и их председателях постарались забыть, вычеркнули их из истории и из памяти – почти всё, но не всё. После Брежнева кое-что выплыло на поверхность. Насколько я знаю, из людей, занимавших значительные совнархозные посты, оставил воспоминания только Владимир Николаевич Новиков, оборонщик, госплановец, тертый министерский калач. Новиков скорее оппонент отца, чем его сторонник, но при всей своей критичности он правдив, по крайней мере, в житейских деталях. А они-то – самое ценное.

С 1941 года Новиков работал заместителем Устинова в Министерстве вооружений. В 1957 году он стал председателем Ленинградского совнархоза, объединившего Ленинградскую и Псковскую области, с двумя обкомами и двумя секретарями.

О том, как все это происходило, лучше всего расскажет сам Новиков. Предоставим ему слово.

– Встретились мы с Никитой Сергеевичем один на один, – вспоминает Новиков.

– Как вы относитесь к совнархозам? – спросил он меня в лоб.

– Дело интересное, – отвечал я, как думал, – надо полагать, что работа пойдет активнее.

– Есть намерение назначить вас председателем Ленинградского совнархоза, – произнес Хрущев, внимательно всматриваясь в мое лицо и тут же, глядя на меня в упор, спросил: – Ну как?

Новиков для приличия поотказывался. Хрущев, тоже для приличия, пообещал подумать. Оба они понимали, что решение принято, но, в соответствии с ритуалом тех лет, назначаемому на новую, более высокую должность следовало проявить скромность, а назначавший, соответственно, проявлял внимание. К вечеру того же дня Новиков стал председателем Ленинградского совнархоза.

– Скажу лишь, получилось все хорошо, – продолжает Владимир Николаевич. – Я начал работать свободно, уверенно, контактировал напрямую с секретарем Ленинградского обкома Козловым, избранным в том же году членом Президиума ЦК, и ни от кого больше не зависел. Горком партии, райкомы пробовали вмешаться в деятельность совнархоза, но все вопросы решались так, как было лучше для совнархоза, что я считал одновременно благом и для Ленинграда, и для страны в целом.

Вскоре Козлов пересел в кресло Председателя Правительства Российской Федерации, а секретарем Ленинградского обкома стал Иван Васильевич Спиридонов. Новиков к тому времени уже набрал силу и позволял себе игнорировать Спиридонова. Тот, в свою очередь, вместе с председателем Ленинградского исполкома Николаем Ивановичем Смирновым – «по образованию и наклонностям работником сельского хозяйства, человеком большой культуры и приятным в общении» (так характеризует его сам Новиков) – попытались призвать его к порядку.

– При организации совнархозов, – продолжает вспоминать Новиков, – в правительственном решении записали пункт: итоги работы совнархоза за месяц, квартал, год, кроме

Госплана РСФСР, передаются еще и облисполкому, чтобы там могли составить целостную картину всех показателей экономики. Меня смущала передача в облисполком номенклатуры военной техники. Я решил сообщать им только объем выполняемых работ. Николай Иванович нажимал на меня, его поддерживал Спиридонов. Дело обострилось.

Тогда я направился в Совет Министров РСФСР, к Козлову. Фрол Романович при мне позвонил в Госплан СССР Кузьмину. Тот посоветовался, видимо, с Хрущевым и одобрил мою позицию.

Козлов вызвал Смирнова и, будучи человеком грубоватым, заявил ему: «Николай Иванович, ты занимайся куриным навозом, а с вопросами военной техники к Новикову не лезь. Ясно?»

– Но есть же решение правительства, – растерянно возразил Смирнов.

– Я тебе ясно сказал, чем заниматься облисполкому, – рассвирепел Козлов.

– Ясно, Фрол Романович, – пролепетал Смирнов.

– Какой еще тебе горком с обкомом? – при очередной встрече наставлял Новикова Козлов. – Тебе что, делать нечего? У тебя девятьсот заводов и фабрик, а ты будешь таскаться по горкомам, да еще придумаешь ходить в райком или в облисполком? Никуда не ходи...

– Иван Васильевич, – Козлов обратился к присутствовавшему при разговоре Спиридонову, – Новикова не вызывать! Понятно?

Спиридонов все понял, Новиков теперь оказался вне его власти, в чем-то сравнялся с ним, вчера всесильным секретарем Ленинградского обкома.

– Нельзя, чтобы меня, – продолжает свои воспоминания Новиков, – при руководстве таким огромным совнархозом без конца таскали и проверяли все власти. Я считаю, что совнархозы существенно помогли советской промышленности.

И так происходило практически повсюду.